

От «Диалога культур» к мировой интеграции

Тема форума в этом году — «Диалог культур». «Диалог культур мы ведем каждый день. Есть западная и восточная культура, есть российская и транснациональная, есть культура богатых и культура бедных, культура новых русских и культура интеллигенции. Наша задача — научиться жить в мире многих культур и участвовать в диалоге между ними» — так обозначил проблему председатель оргкомитета чтений, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов профессор Александр Запесоцкий.

Список участников как раз говорил о том, что в Питере собрались люди, способные не только вести такой диалог, но и продвигать европейскую интеграцию. Представитель Генерального секретаря ООН, экс-президент Португалии Жоржи Сампайо, экс-президент Киргизии, почетный академик РАН Аскар Акаев, председатель Центризбиркома Владимир Чуров, директор Эрмитажа Михаил Пиотровский. Сотни интеллектуалов из Германии, Великобритании, Индии, Японии, США и многих других стран, среди которых председатель мирового форума «Диалог цивилизаций» Вальтер Швиммер, всемирно известный философ Иммануил Валлерстайн и другие.

На двенадцати секциях форума обсуждались самые разные темы — от проблем образования до экономического партнерства. «Европейская ментальность: дух и границы» — эта секция, предложенная форуму «Известиями», как раз и должна была проанализировать наши взаимоотношения с Европой. Ее провел академик РАН, директор Института философии РАН, доктор философских наук, профессор Абдусалам Гусейнов.

Сейчас в самой России существуют три точки зрения на проблему: мы — европейская цивилизация; мы — евразийская цивилизация; мы — некая уникальная самобытная цивилизация. В свою очередь, у Запада свои претензии к нам. Профессор Нью-Йоркского университета Стивен Коем как-то сказал, что когда в России кончится марксизм, то Россия будет дальше от Европы, чем даже при социализме, потому что социализм — это европейская теория, а не российская. Так ли это?

Византийский ответ на римский вопрос

Социологические опросы показывают, что 70% населения России не считают себя европейцами. А кто может считать себя европейским народом? — задал тон дискуссии на секции Вадим Межуев, главный научный сотрудник Института философии РАН. — Ответ такой: любой народ, который ставил в своей истории вопрос, почему погиб первый Рим, и пытался на него ответить. С постановки этого вопроса начинается Средневековье и Новое время. Даже отцы-основатели американской Конституции его задавали: как сделать так, чтобы не погибла республика? Существует два ответа. Первый дала Западная Европа: Рим погиб потому, что он изменил республиканским идеалам. Вернуться к этому идеалу — вот задача Европы. Другой ответ дала Византия и возникшее там православие: Рим погиб от язычества, от бездуховности, которые развратили граждан и власть. В качестве главного противоядия гибели является духовная община, построенная не только на принципах права, но и на принципах морали. Россия — это наследница Византии. Вот она и продолжает этот спор в другой постановке вопроса. Что важнее: гражданское общество или духовная община? Кто прав — сказать невозможно. Это две половины одной истины. С одной стороны, нельзя двигаться в историю, минуя формы гражданско-правового устройства общества. Это путь в никуда. С другой стороны, одного права, формального установления норм закона, недостаточно, чтобы поставить общество на колеса гармонии. Жизнь по совести или по разуму — вот суть диалога, который Россия ведет с Европой последние два столетия. Мы не отрицаем римскую идею. Мы пытаемся ее дополнить.

Язычество против крещения

Диалог о сути и смысле Рима — это разговор двух сумасшедших, которые не просто не понимают, но даже не слышат друг друга. Это спор двух людей, один из которых доказывает необходимость душевного здоровья, а другой физического здоровья, — начал свое выступление Александр Марков, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП.

Право — это не физическое состояние, — тут же бросил реплику Межуев.

Никакой единой европейской ментальности нет и не было. Европейская и христианская культура — это две разные модели культуры, которые то соприкасались, то уходили друг от друга, — считает профессор Марков. — Сейчас мировоззренческая предпосылка для единства есть. Мы максимально близки, но нет конструктивного диалога. Диалог предельно деструктивный, с элементами взаимной агрессии. Западноевропейский вариант в сегодняшней версии — это классическая языческая культура. Мы же переживаем эпоху очередного крещения. Все 90-е годы у нас проходил этап крещения, по темпам, агрессии и по вложенным сред-

Как России вернуть «похищенную Европу»?

26–27 июня в Ханты-Мансийске пройдет саммит Россия–ЕС. Возможно, именно это мероприятие поможет сдвинуть с мертвой точки отношения нашей страны с Европейским союзом. Саммит важен для нас и ЕС как значимое политическое событие, но не менее важно понять, что же происходит в отношениях России с Европой и всем миром. Свое объяснение во многом попытались дать VIII Международные Лихачевские научные чтения, организованные Санкт-Петербургским гуманитарным университетом профсоюзов. В этом году в работе одной из самых мощных интеллектуальных площадок России участвовало свыше 1500 человек из 18 стран и 60 регионов России.

Франсуа Буше. Похищение Европы. 1732–1734 гг. Современную Европу и европейские ценности «похитил» не Зевс в образе быка, а транснациональные корпорации

ствам сопоставимый с первым Крещением Руси. За 10–15 лет страна поменяла знак, так же как когда-то Киевская Русь. Это преобразование с отрицательным знаком. А диалог возможен, если его субъекты равны друг другу и аутентичны. Западная культура абсолютно аутентична своей системе ценностей — это

«Европа — это не только культура, но и геополитический феномен. Сейчас кончается эпоха безусловной гегемонии западной культуры, в которой мы жили последние два века»

свобода, права человека, гедонизм, удовольствия. Запад сознательно уходит от религиозности, от церкви, чтобы расширить пространство для диалога с другими культурами. Россия же и русская культура предельно неаутентична. Мы находимся в переходной стадии, когда покинули одно духовное поле и сейчас пытаемся усвоить те ценности, которые усваиваются не одно столетие.

Когда ценности не абсолютны, а относительны

Чем была «оранжевая революция» на Украине? — с вопроса начал свое выступление Виктор Кувалдин, исполнительный директор «круглого стола» «Экспертиза» Горбачев-фонда. — Это и народное движение против коррумпированного режима Кучмы. Но это и государственный переворот, организованный Западом. Надо признать, что тогда Европа сыграла гнусную роль (правда, она была представлена специфическими людьми — Адамкус, Квасневский и Солана). Основная Европа промолчала. Тогда я понял: европейские ценности для Европы не абсолютны, а относительны и даже конъюнктурны. Парадокс, но мы не можем от них отказываться, именно потому, что сама Европа от них отказалась.

Европа — это не только культура, но и геополитический феномен. Сейчас кончается эпоха безусловной гегемонии западной культуры, в которой мы жили последние два века. Это был период гегемонии Запада. До сих пор почвы для диалога не было. Сей-

час идет диалог не только между людьми, но и между цивилизациями. Это диалог о ценностях, идентичности, моделях поведения, о принципах мироустройства. Но никакого диалога не будет, если его не вести на равных. Со слабыми не разговаривают. Мы сейчас уже не слабые, а вот у Запада начинают проблемы.

Что такое современный Запад? У него есть ядро (собственно Западная Европа и США), есть периферия (Латинская Америка и мы), есть незападные «ветви», прочно включенные в западный союз (Япония, Южная Корея, Турция). Чем обладает Запад? Пять параметров: территория, ресурсы, население, экономика и военная мощь. С территорией все в порядке — это четверть мира. Ресурсы — здесь то начинают проблемы (за последние 10–15 лет западные компании утратили контроль над основными месторождениями). Население сократилось на 10% за последние несколько лет (отсюда приток миллиона мигрантов в Европу и 1,5 млн в США ежегодно). Экономика — самый сложный параметр. Есть разная система оценок. Темпы развития Запада — 2–2,5% в год, темпы развития остального мира — 5–6%. Могут ли США и Запад сохранить свою гегемонию при таких темпах? Нет. Военная мощь — здесь Запад далеко впереди нас и другого мира. Проблема только в том, что эта военная мощь не работает, когда она сталкивается с цивилизациями, где человеческая жизнь имеет иную ценность... Так было в Афганистане, Вьетнаме, сейчас в Ираке.

Вывод: совокупная мощь стран начинает выравниваться. Вот здесь-то и может начинаться настоящий диалог цивилизаций. Запад вынужден будет вступить в диалог, потому что его бьют на том поле, которое он всегда считал своим. Этот процесс будет продолжаться 10–20 лет. Мы вступили в переходный этап, когда европейская цивилизация вынуждается к диалогу с незападной цивилизацией. Это вопрос ее конкурентоспособности. Им придется не только учиться, но и учиться.

С другой стороны, Европа проводит уникальный эксперимент с Европейским союзом. У нее очень реальные шансы остаться мировым лидером, а то и потеснить США.

Вместо «холодной войны» пришел «холодный мир»

В 2005 году партнерство России и ЕС достигло определенной вершины — мы подписали дорожные карты по четырем сферам сотрудничества (общему экономи-

ческому пространству, пространству свободы, безопасности и правосудия; пространству внешней безопасности, а также науки, образования и культуры). Вроде бы начался процесс интеграции нашей страны в Европу, но с 2005 года во взаимоотношениях России и ЕС наступила пауза, — убе-

«Россия сегодня является островком европейской ментальности. Мы сохранили свою религию, социальную мобильность и способность к инновациям»

дена Наталья Кондратьева, и.о. заведомо исследования европейской интеграции Института Европы РАН. — Соглашение с Европой продлевается автоматически, поскольку европейцы не выражали другого желания. Эту паузу заполняет научное сообщество. Да, за последние 10 лет было реализовано очень много совместных проектов (простой пример — природоохранное партнерство в рамках «Северного измерения» или программа «Днепр»). Но не больше. Почему? Во-первых, Россия искала в Евросоюзе союзника, а ЕС все это время пытался оградить себя от угроз, якобы исходящих от восточного соседа. Европейцы думали не о союзничестве, а о собственных фобиях. Во-вторых, энергетическая зависимость мешала другим направлениям сотрудничества (космос, наука, охрана окружающей среды). Евросоюзу от России нужно было только энергосырье. Все последние саммиты Евросоюз сводил дискуссии только к этой теме.

В июне на саммит Россия–ЕС мы опять их зовем в «столицу энергоресурсов» — в Ханты-Мансийск. Пусть их там мошкарка погрызет. Получается, мы сами насаживаемся на этот крючок. Концепция открытого, интегрированного рынка уже не стоит в нашей повестке дня (она родилась в 2003 году на саммите в Санкт-Петербурге). Вместо этого снова звучат слова о несовпадении систем ценностей. Причем, если в России говорят о том, что нас объединяет (культура, отношение к личности, к Богу), то в Евросоюзе — совсем о дру-

гом: что мы не соответствуем своду законов и норм ЕС. Если эта ситуация сохранится, то мы будем также далеки от решения очень важных глобальных проблем, как и в 1994 году, когда было подписано Соглашение Россия–ЕС о партнерстве и сотрудничестве, на котором мы «сидим» вот уже почти 15 лет. Чем закончится эта эпоха «холодного мира»? Евросоюз уже не видит России как предсказуемой периферии. А мы в состоянии делать самостоятельные ходы и в азиатско-тихоокеанском направлении, и на пространстве СНГ. Но Евросоюз хитрый — он будет укорять Россию за «имперские амбиции», «экономический шантаж «Газпрома» и т.п. Такой «холодный мир» закончится, если мы станем сильным партнером ЕС, а не будем довольствоваться минимальными дивидендами, которые получает от Европы сырьевая страна.

Нам придется терпеть друг друга

Вот я слушаю все выступления и понимаю, что мы — европейцы, — сделал вывод Борис Пружинин, заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии». — Можем мы так же относиться к жизни, как моджахеды? Нет! В мире идет политическая борьба. Европа в ней участвует и пользуется своими критериями и ценностями. Почему мы решили, что они должны нас любить? Они победили в «холодной войне» и сейчас пытаются использовать эту победу. Но с какой стати мы должны поддаваться? И им, и нам нужно реанимировать понятие толерантности — терпеть друг друга.

Россия сегодня является островком европейской ментальности. Мы сохранили свою религию, социальную мобильность и способность к инновациям, — убежден Игорь Панарин, декан факультета международных отношений Дипломатической академии МИД. — Американцы — а точнее, транснациональная группа сил — организовали «похищение Европы», европейских ценностей. Диалог между Европой и Россией не идет, потому что он блокируется этими силами.

Что нам делать? Я связываю большие надежды с приходом Дмитрия Медведева и с его политикой. Год назад он озвучил концепцию формирования рубля как новой резервной мировой валюты. К 2012 году мы должны выйти на новые рубежи. Мы должны войти в Европу, но не мальчиками для битья, а с мощными кулаками и большой духовной поддержкой. Последнее очень важно — ведь из новой европейской Конституции, несмотря на мнение папы римского, убрали понятие «христианство». А христианство — основа формирования Европы.

Мы провели свое исследование и выяснили: ни одна страна Европы не воспринималась населением России как негативная. Только страны Прибалтики. Поэтому почва для диалога есть! — считает Виктор Петренко, член-корреспондент РАН, завлабораторией психологии общения и психосемантики МГУ. — Вспомним времена Советского Союза — существовала масса всевозможных организаций дружбы, культурного обмена, народной дипломатии. Сейчас возможность этого диалога потеряна. Не стало каналов народной дипломатии. Смотрите, в Москву приехали 25 тысяч английских футбольных болельщиков, и ничего не случилось. Они увидели нормальную страну, где можно жить.

Мы тут говорили: чтобы убедиться в том, что мы — европейцы, нужно посмотреть в зеркало. Если человек сомневается в том, европеец он или нет, то сам факт таких сомнений как раз говорит о его принадлежности Европе. Это европейская черта, — сделал неожиданный вывод Вадим Рабинович, философ и культуролог. — И еще... Понятие «Восток» — это западное понятие. Любой «Восток» не знает, что он «Восток». Ему начхать, что есть какой-то «Запад». «Восток» самодостаточен. А если мы задаемся вопросом: «Россия — это Европа?» — то, значит, мы — европейцы.

И здесь профессор Рабинович привел цитату из поэмы Николая Заболоцкого «Рубрук в Монголии». Поэмы о том, как провалилась христианская миссия европейца на Востоке. Мы чуть расширили цитату.

*Не то чтоб сложной их натуры
Не понимал совсем монах,
Здесь пели две клавиатуры
На двух различных языках.
Порой хитер, порой наивен,
С мотивом спорил здесь мотив,
И был отнюдь не примитивен
Монгольских воинов актив.*

*...
Куда уж было тут латынцу,
Будь он и тонкий дипломат,
Псалмы толковать ордынцу
И бить в кимвалы наугад!
Как прототип башбузука,
Любой монгольский мальчуган
Всю казуистику Рубрука,
Смеясь, засовывал в карман...*

На этой поэтической ноте участники дискуссии завершили, но точку не поставили.

Подготовил Александр Садчиков